

Б. А. Алимджанов

РУССКИЕ В ТУРКЕСТАНЕ: АДАПТАЦИЯ К МЕСТНОЙ КУЛЬТУРЕ
ИЛИ СЛУЖБА ВО ИМЯ СТРОИТЕЛЬСТВА ИМПЕРИИ?

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-113-120

УДК 94(47+575.1) ББК 63.3(2+5Уз6)

В статье рассматривается культурная адаптация двух поколений русского населения в Туркестане. В качестве примеров культурной адаптации к местным реалиям приведены биографии «первых туркестанцев» — дипломата Н. Петровского, военного и ученого В. П. Наливкина, миссионера Н. П. Остроумова, военного и администратора Н. С. Лыкошина. Если посмотреть на биографии этих людей, то можно уловить закономерность: они родились в Европейской России, приехали в Туркестанский край молодыми делать карьеру, изучали местные языки и культуру. Основной мотивацией их действий можно назвать желание верно и честно служить интересам Российской империи на Востоке. Условно мы их назовем первым поколением русских туркестанцев, работавших на благо и укрепление империи. Также автором привлечены личные карточки банковских служащих «второго поколения туркестанцев», которые активно участвовали в социально-экономической жизни Русского Туркестана. Автор считает, что взгляды первого поколения русских на местную культуру были ориенталистскими. «Первое поколение туркестанцев» мечтало о слиянии культур и интеграции местной экономики в общеимперскую систему. Второе же поколение русских, родившееся в Туркестане, коренным образом отличалось от первого поколения и было менее ориенталистским, у них почти не прослеживаются идеи исключительности и мессианизма. Родившиеся в Туркестане русские быстрее учили языки, приспособлялись к местной культуре, получали образование в Ташкенте и Коканде, работали в местных государственных и финансовых структурах. При написании статьи автором использованы неопубликованные архивные материалы Российской Федерации и Узбекистана, мемуары, а также личная корреспонденция дипломатов и военных.

Ключевые слова: *Русский Туркестан, адаптация, русские, империя, Средняя Азия, культура, туркестанцы*

Во время Среднеазиатских походов русской армии в 1850–1890-е гг. в Туркестанский край переселились военные, ученые, миссионеры, административные служащие и их жены, которые и стали объектом культурных заимствований и практик. «Мы явились сюда почти неожиданно и для самих себя и для туземцев. <...> Мы застали здесь своеобразную жизнь, понятия, общественное устройство, поземельные отношения, все это правда, несообразное с европейскими взглядами и понятиями, но, тем не менее — живучее», — писала газета «Туркестанские ведомости». ¹ В 1870-е гг. в Русский Туркестан начали переселяться крестьяне. В основном в край переселялись выходцы из Астраханской, Тамбовской и Самарской губерний. В 1910 г. чиновник особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилов

писал: «В 1906 г. в Туркестане было 74 русских селения, в котором устроилось до 4 800 семей. Главная масса поселков образована до 1893 г., с 1893 по 1901 г. возникло лишь 15 поселков, а с 1901 г. ни одного». ² К 1916 г. в Сырдарьинской, Самаркандской и Ферганской областях существовало 330 русских поселений с 1 257 дворами, не считая железнодорожных и рыбацких поселений. ³ Большинство образованного русского населения проживало в городах Ташкенте, Самарканде, Коканде, Андижане. В русской части Ташкента в 1914 г. проживало около 50 тыс. европейцев. Накануне 1917 г. число жителей европейского происхождения в Туркестане составляло около 750 тыс. человек (10 % населения края). Культурная адаптация европейского населения к туркестанским реалиям слабо изучена в историографии. Есть прекрасные работы С. Н. Брежневой, О. Брусиной, Д. В. Васильева, П. В. Литвиненко, П. П. Литвинова,

¹ Туркестанские ведомости. 1871. 14 июня. № 20.

² РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 956. Л. 10–100б.

³ См.: Социально-экономическое и политическое положение Узбекистана накануне Октября. Ташкент, 1973. С. 26.

Ю. Цыряпкиной.⁴ В большинстве случаев современные исследователи делают упор на хозяйственные отношения русского населения с кочевым и полукочевым населением, игнорируется тема культурной адаптации русских в городах Туркестанского генерал-губернаторства.

Первое поколение туркестанцев

Первыми активно усваивать местную культуру Туркестана стали военные, купцы и дипломаты. Конечно, нужно учитывать, что элита Российской империи воспринимала Туркестан через призму ориенталистских клише. Разбирая архивы, исследователь понимает, что русский ориентализм отличался от европейского.⁵ Яркими представителями своеобразного русского ориентализма были дипломат Н. Ф. Петровский (1837–1908), кадровый офицер и ученый-администратор В. П. Наливкин (1852–1918), миссионер Н. П. Остроумов (1846–1930), военный администратор и ученый-востоковед Н. С. Лыкошин (1860–1922). Если посмотреть на биографии этих людей империи, то можно уловить закономерность: они родились в Европейской России, приехали в Туркестанский край молодыми делать карьеру, изучали и хорошо знали местные языки и культуру, активно были вовлечены в экспертное востоковедческое сообщество (особенно В. П. Наливкин и Н. П. Остроумов). Основной мотивацией их действий можно назвать желание верно и честно служить интересам Российской империи на Востоке. Условно мы их назовем первым поколением русских туркестанцев, работавших

на благо и укрепление империи. Нужно особо отметить, что в первом поколении туркестанцев именно высокообразованные прогрессивные представители империи (и далеко не все) проявляли интерес к культуре, быту, языкам коренного населения. Рассмотрим подробнее личности некоторых из них.

Н. Ф. Петровского назначили представителем министра финансов в Туркестане в 1870 г.⁶ Он был проницательным наблюдателем местных нравов и в своей корреспонденции отмечал все, что видел и слышал. В письме в 1872 г. написано: «Я порядочно знаю тюркский язык туземцев, и знаю, что для них из умственной пищи было бы нужно (курсив автора — Б. А.)».⁷ Если следовать саидовскому пониманию ориентализма, то Н. Петровский был совсем недалек от английского ориентализма, за исключением того, что пытался активно развивать местную экономику без ущерба местным жителям. Он также писал о купце М. Н. Колесникове, который «долгое время жил в Коканде и знает хорошо тюркский язык».⁸ Также Н. Ф. Петровский дружил с местной элитой, например, он очень тепло отзывался о кокандском дипломате Мирзе Хакиме Парваначи. «Мирза Хаким, — писал Н. Ф. Петровский, — один из самых почтенных личностей мусульманского мира. Изучая этот мир, я, тем не менее (как это часто случается) не принадлежу к его поклонникам и, вообще говоря, в мусульман я не верю. Мирза Хаким должен составлять в этом отношении исключение».⁹ По поводу проекта положения 1871 г. об управлении Туркестанским краем Н. Ф. Петровский саркастически замечал: «Между тем по проекту нового положения генерал-губернатор является толкователем шариата — новым муджтахидом!»¹⁰ Он сознательно использует такие яркие сравнения: применяя заимствованные из местного вокабуляра речевые обороты, он демонстрировал, насколько являлся сведущим в туркестанских делах. В дальнейшем Н. Ф. Петровский был отправлен послом в Кашгар, где и прослужил до 1903 г.

Военные, особенно среднее и младшее офицерство, не спешили изучать местные языки и культуру. Одним из первых офицеров про-

⁴ См.: Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638; Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX — конец XX века. М., 2001; Васильев Д. В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. М., 2018; Литвиненко П. В. Странные неопиты ислама: переход христиан в ислам в Русском Туркестане // История: факты и символы. 2022. № 3 (32). С. 36–51; Литвинов П. П. От Христа к Магомету: религиозное ренегатство в Средней Азии (конец XIX — начало XX в.) (по архивным материалам) // Собор (альманах по религиоведению). Елец, 1999. Вып. 1. С. 131–151; Цыряпкина Ю. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10, № 5. С. 1625–1641.

⁵ См.: Алимджанов Б. А. Ориентализм ориентализму рознь // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 4. С. 1488–1497; Найт Н. О русском ориентализме: ответ Адибу Халиду // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. М., 2005. С. 324–344; Халид А. Российская история и спор об ориентализме // Там же. С. 310–323; Тодорова М. Есть ли русская душа у русского ориентализма? Дополнение к спору Натаниэля Найта и Адиба Халида // Там же. С. 345–360.

⁶ Подробнее об Н. Ф. Петровском см.: Петровский Н. Ф. Туркестанские письма. М., 2010.

⁷ ИВР РАН СПб. Архив востоковедов. Ф. 43. Оп. 2. Д. 6. Л. 15–16.

⁸ Там же. Л. 19–200б.

⁹ Там же. Л. 25–260б.

¹⁰ Там же. Л. 38–390б.

явивших интерес к местной культуре (и впоследствии ставший крупным экспертом по исламу), является В. П. Наливкин.¹¹ Военные в первое время были заняты азартными играми и разными развлечениями. Были среди военных случаи проживания в гражданском браке с местными девушками. Газета «Туркестанские ведомости» писала: «...туземные содержанки не особенно долго, однако, сожительствуют с “неверными”».¹² В. П. Наливкин отличался от других сослуживцев тем, что бросил службу: приказом от 29 мая 1878 г. 26-летний Наливкин уволился со службы «по болезни» в чине штабс-капитана «с мундиром». Тогда же он с семьей поселился в урочище Радван (недалеко от г. Намангана, Ферганская долина) среди кипчаков, а потом приобрел на средства, полученные женой в приданое, небольшой земельный участок в кишлаке Нанай, где прожил несколько лет, изучая язык и быт местного коренного населения. Современник В. Наливкина Г. П. Федоров в своих мемуарах охарактеризовал его как лучшего и почти единственно действительного знатока местного края.¹³ В 1880-е гг. начинают выходить в свет многочисленные научные работы В. П. Наливкина по истории, этнографии, экономике, языкознанию местного населения Туркестана. В 1884 г. издается написанный им совместно с женой «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда»,¹⁴ а четыре года спустя — две большие и самые известные работы «Краткая история Кокандского ханства» и «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы».¹⁵ Будучи ученым-любителем, Наливкин быстро завоевывает репутацию

человека, который обладает уникальными знаниями по Средней Азии. В начале XX в. В. П. Наливкин становится главным критиком российской политики в Туркестанском крае: в 1913 г. он издал книгу, в которой призывал убрать «живую стену», то есть посредников между русскими и местными жителями.¹⁶

В. П. Наливкин понимал, что на азиатской территории российской империи существуют одновременно две разных цивилизации — христианская и мусульманская. Туркестан, включенный в имперскую систему, вошел в новое темпоральное измерение, при этом местный ислам и его институты продолжали жить вековыми устоями. В. П. Наливкин в ходе своей исследовательской деятельности выявил тенденцию к реформированию традиционного ислама (так называемую «мусульманскую модерность»), и показал, что она вполне может служить интересам империи. Однако, военная колониальная элита увидела в этом процессе угрозу государственности и риск потери влияния в Туркестане, так как признание «мусульманской модерности» означало передачу власти гражданским структурам, которые бы не только вели политику в интересах империи, но и учитывали местную специфику. Мусульманская элита Туркестана так же увидела в идеях В. Наливкина об исламской модерности угрозу местной специфике, которая предполагала определенные встречные шаги по отношению к империи, то есть она означала активную интеграцию в имперскую систему. По логике В. П. Наливкина, Российская империя могла дать новый импульс для модернизации мусульманских институтов Туркестана.

В первые годы русского присутствия в Туркестанский край приехали востоковеды, студенты-гуманитарии, которые преподавали в местных училищах, а некоторые из них впоследствии стали экспертами по исламу. Среди них был известный миссионер и востоковед Н. П. Остроумов.¹⁷ В 1877 г. он приехал в Ташкент, работал в должности инспектора

¹¹ Подробнее см.: Абашин С. Н. В. П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...». Кризис ориентализма в Российской империи? // *Азиатская Россия: люди и структуры империи*. Омск, 2005. С. 43–97; Котюкова Т. В. Антипод «человека в футляре» воспоминания о В. П. Наливкине // *Восточный архив*. 2010. № 1 (21). С. 76–89; Полвека в Туркестане. В. П. Наливкин: биография, документы, труды. М., 2015.

¹² *Туркестанские ведомости*. 1883. 26 июля. № 29.

¹³ Федоров Г. П. *Моя служба в Туркестанском крае* // *Исторический вестник*. 1913. № 12. С. 882.

¹⁴ Наливкину, как лучшему знатоку местных языков, был доверен перевод на «сартовский язык» Положения об управлении Туркестанского края 1886 г., некоторых других официальных документов.

¹⁵ *Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда*. Казань, 1884; *Краткая история Кокандского ханства*. Казань, 1886; *Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы*. Казань, 1886.

¹⁶ См.: Наливкин В. П. *Туземцы раньше и теперь*. Ташкент, 1913. С. 95.

¹⁷ Бабаджанов Б. М. Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? // *Восток Свыше*. 2013. Вып. 32, № 4. С. 29–51; Он же. *Послесловие к обсуждению* // Там же. С. 75–80; Джумаев А. Еще о «миссионерстве» Остроумова // Там же. С. 55–66. Абдурасулов У. Остроумов и идеология колонизации // Там же. С. 66–68; Флыгин Ю. С. Николай Остроумов: «Я считаю себя не бесполезным человеком для инверцев... и отнюдь не врагом их» // Там же. С. 68–75. Хан В. С. *Déjà vu и встреча с «чужим»* // *II Востоковедческие чтения памяти Н. П. Остроумова*. Ташкент, 2010. С. 108–113.

народных училищ. В 1879 г. возглавил только что открытую Туркестанскую учительскую семинарию. В учительской семинарии преподавали действительный студент Казанской духовной академии Н. Воскресенский; преподавателем русского языка был кандидат Санкт-Петербургского историко-филологического института Н. Знаменский, преподавателем математики — действительный студент Санкт-Петербургского университета М. Травчетов, преподавателем истории и географии — кандидат Казанской духовной академии М. Миропиев, преподавателем местных наречий — окончивший курс по восточному факультету Санкт-Петербургского университета со степенью кандидата Я. Лютш.¹⁸ Все они хорошо знали местную историю, местные языки и культуру. С 1883 по 1917 гг. Н. П. Остроумов был редактором «Туркестанской туземной газеты», издаваемой в Ташкенте, был известен тем, что пытался синтезировать две «противоборствующие» культуры. В своих трудах он частенько признавал «прогрессивность» европейской культуры в сравнении с восточной, но одновременно пытался всеми силами защищать местные обычаи и культуру. Например, Остроумов был не согласен с мнением Н. М. Пржевальского, что «монголам и номадам свойственна прирожденная трусость». Остроумов ему отвечал: «Неужели Чингизхан и ему подобные монголы были трусы и глупцы? И вообще военные походы и завоевания, совершенные монголами и другими среднеазиатскими кочевниками, свидетельствуют о несомненной их храбрости».¹⁹ Однако несмотря на все симпатии к местной культуре и истории, Н. П. Остроумов считал, что «на долю русского народа выпала трудная задача идти в Азию по тому же пути и неизбежно восстанавливать в этой части света христианство».²⁰ Миссионерская деятельность Н. П. Остроумова не нашла большой поддержки среди местной имперской элиты, поэтому его проекты и предложения остались на бумаге. Следует особо отметить, что исследователь преподавал мусульманское право в Ташкентской офицерской школе восточных языков при штабе ТуркВО, который вел свою деятель-

ность с 1897 г.²¹ Эти курсы за 13 лет окончили 66 офицеров. Восстание 1916 г. в Туркестане²² Н. П. Остроумов воспринял болезненно и трактовал как свидетельство своей правоты. В письме к министру народного просвещения А. К. Рачинскому от 22 августа 1916 г. он писал: «Я с особенною грустью старого русского Туркестанца, прожившего в Ташкенте 39 лет, заявляю, что сами *русские обыватели не только не стремятся проникнуть в душу туземцев, не изучают мусульманства и туземных языков* (курсив автора — Б. А.), но и не придают значения словам и предостережениям других относительно необеспеченности нашей жизни в этом крае».²³ Это был глас вопиющего в пустыне! В конце жизни, после 1917 г., Н. П. Остроумов работал в местных университетах и считался большим знатоком ислама и местной истории.

Другой известный востоковед Н. С. Лыкошин приехал в Туркестан в 1879 г. Ему было 19 лет. Благодаря своим знаниям и трудолюбию он сделал блестящую карьеру: от прапорщика дошел до военного губернатора Самаркандской области (1914–1917 гг.).²⁴ Н. С. Лыкошин был одним из немногих представителей администрации Туркестана, получавших повышенное жалованье только благодаря владению местными языками. Учить местные языки ему помогал как раз миссионер Н. П. Остроумов. Туркестанская колониальная администрация всеми силами поощряла их изучение, но лишь единицы из российских чиновников края могли общаться с местным населением на их родных языках. Сам Лыкошин так объяснял свой интерес к изучению быта и истории народов Средней Азии: «Знание жизни, нравов, характера того народа, с которым суждено жить вместе, должно составить насущную потребность, вызвать посильные труды к познанию не только их современного положения, но и прошлого».²⁵ В скором времени Н. Лыкошин стал крупным исследователем

¹⁸ См.: Остроумов Н. П. Отчет Туркестанской учительской семинарии за XXV лет ее существования (30 августа 1879 года — 30 августа 1904 года). Ташкент, 1904. С. 17, 18.

¹⁹ Остроумов Н. П. Способны ли кочевые народы Азии к усвоению христианской веры и христианской культуры? М., 1896. С. 3.

²⁰ Остроумов Н. П. Исторический очерк взаимных отношений между христианством и мусульманством. СПб., 1888. С. 69.

²¹ См.: Вестник Ташкентской офицерской школы восточных языков при штабе ТуркВО. Ташкент, 1911. Вып. 1. С. 13. Подробнее о школе см.: Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018.

²² Подробнее о восстании 1916 г. см.: Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017.

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 278 (Дело о школах Туркестанского края для нерусского населения 1910–1916 гг.). Л. 62–63об.

²⁴ Подробнее о Н. С. Лыкошине см.: Пуговкина О. Г. Нил Сергеевич Лыкошин: от Самаркандского военного губернатора до советского профессора // Восток (Oriens). 2018. № 6. С. 124–141.

²⁵ Лыкошин Н. С. Автобиография Тамерлана. Ташкент, 1894.

истории и литературы народов Средней Азии. За первое десятилетие XX в. он перевел такие восточные рукописи, как «Кодекс приличий на мусульманском Востоке», «Рисалля-Тарикат Мухаммад Мазгари ал-Ахмади», «Премудрость Хазрат-Султана Арифини-ходжа-Ахмада Яс-сави», «Дивана-и-Машраб» (жизнеописание популярнейшего представителя мистицизма в Туркестанском крае), и получил позитивные отклики именитых востоковедов. Интересно, что основную причину восстания 1916 г. в Средней Азии Н. Лыкошин видел в «незнакомстве русских, живущих в крае, с бытом населения, его языком и верованиями». После бурных событий 1917 г. Лыкошин был отстранен от государственной должности и работал в разных советских образовательных учреждениях. Размышляя о своей карьере в 1919 г., уже в совсем иной политической обстановке, бывший губернатор пишет, что всегда видел свой долг в сближении русских и туземцев.²⁶

Второе поколение туркестанцев

В своих выступлениях и статьях Н. С. Лыкошин в 1910-е гг. предлагал активно привлекать на административные должности «вполне подходящих молодых людей, которые выросли в Туркестане, здесь же получили среднее образование, практически изучили местное наречие и, хотя поверхностно, ознакомились с бытом и нуждами местного туземного населения».²⁷ Заслуживает внимания «Рапорт» полковника И. Аврова.²⁸ В нем Авров для успешного управления краем предложил реформировать административное управление и сферу образования. Для скорейшей интеграции края он предлагал создать школу переводчиков и «в программу всех народных школ и средних учебных заведений ввести обязательное изучение местного языка, подробную историю края и географию его с естественными его богатствами, имея в виду, что все ученики — это будущие деятели частной и административной жизни края».²⁹ Несмотря на пессимистическое заявление полковника Н. С. Лыкошина, что: «туземцы Туркестанского края почти все не знают русского языка, а рус-

ские жители весьма редко владеют туземным»,³⁰ второе поколение русского населения, родившееся и выросшее в Туркестане, довольно быстро учило местные языки и культурно адаптировалось к местной жизни. Руководство местных финансовых институтов стремилось привлекать на службу в банк самых перспективных молодых специалистов из местного русского населения второго поколения.³¹ Второе поколение туркестанцев знало местные языки, нравы и экономику, что делало их незаменимыми кадрами для банковского дела имперской периферии.

Рассмотрим, какими же были представители этого поколения, обратившись к личным карточкам служащих местных банков. В архивных документах, относящихся к банковской деятельности в крае, отложились сведения о поколении родившихся в Туркестане, обучавшихся здесь и работавших в местных финансовых и государственных институтах. Ниже рассмотрим личные карточки русских служащих местных отделений Волжско-Камского коммерческого банка.

Конторщик Кокурин В. С., мещанин г. Коканда. Русский. Православный. Родился 18.04.1896. Учился в Кокандском городском училище. Знал сартовский язык.³²

Конахов — кассир, успешно справлявшийся со своим делом, был очень старателен и трудолюбив. Родился в 1875 г. Русский. Холост. Православный. Сын отставного чиновника. Объяснялся устно и письменно на сартовском и русском языках.³³

Конторщик отделения Е. М. Кошкаров. Родился 13.12.1898. Русский. Холост. Мещанин. Образование: 4 класса Кокандского училища. Христианин. Устно говорил на сартовском. Рекомендация: мировой судья Кокандского уезда. Раньше служил в канцелярии мирового судьи 4 участка Кокандского уезда. Поступил в банк 29.09.1915.³⁴

М. Г. Крикунов — конторщик Ташкентского отделения. Родился 01.09.1875. Русский. Женат. Крестьянин. Православный. Образование: низшее. Объяснялся устно на сартовском и русском.³⁵

²⁶ Моррисон А. Суфизм, панисламизм и информационная паника: Нил Сергеевич Лыкошин и последствия анджанского восстания // *Tartaria Magna*. 2013. № 2. С. 72.

²⁷ Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. Очерки быта туземного населения. Пг., 1916. С. 139.

²⁸ Этот «Рапорт» был подан Туркестанскому генерал-губернатору 16 ноября 1916 г. НА РУЗ. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 663. Л. 1.

²⁹ Там же. Л. 106.

³⁰ Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане. С. 18.

³¹ См.: Алимджанов Б. А., Чориев Ш. Х. Служащие среднеазиатских филиалов Волжско-Камского коммерческого банка: биографии и деятельность на рубеже XIX — начала XX в. в контексте имперской периферии // *Вестник архивиста*. 2021. № 2. С. 450–468.

³² См.: РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 433. Л. 214.

³³ См.: Там же. Л. 218–218об.

³⁴ См.: Там же. Л. 220–221.

³⁵ См.: Там же. Л. 224–225.

Г. А. Максимов. Уроженец Туркестана, учился в Туркестанской учительской семинарии, 3 года работал учителем в кишлаке. Знал сартовский устно и письменно.³⁶

К. И. Рачинский. Родился 05.09.1885. Русский. Женат, двое детей. Мещанин. Образование: курс городского училища. Православный. Объяснялся устно и письменно на сартовском и русском.³⁷

А. А. Сухачев. Родился 13.09.1894. Русский. Женат. Мещанин. Образование: Кокандское городское 4-классное училище. Православный. Устно разъяснялся на сартовском. Прежние занятия: конторщик в Кокандском отделении Русско-Азиатского банка. Служил в банке с 1914 г. Старательный работник.³⁸

Конторщик отделения Н. А. Ушаров. Родился 09.05.1896. Русский. Холост. Мещанин. Образование: домашнее. Христианин. Изъяснялся письменно и устно на сартовском. Прежние занятия: служил в Уездном управлении в г. Коканде. Неуравновешенный служащий. Отлично говорил и писал на сартовском, но к делу привыкал медленно. Сын поверенного отделения.³⁹

Н. П. Першин. Родился в 1892 г., русский, мещанин, православный, холост. Образование: Ташкентское городское училище. Говорил на сартовском. Прежние занятия: в Перовском Казначействе с 1910 по 1912 гг. Начал работать в банке с 1912 г. конторщиком.⁴⁰

Служащий Самаркандского отделения Г. И. Ушаков. Родился в 1889 г., русский, женат, мещанин, православный. Образование: Учительская семинария. Знал письменно и устно сартовский. Раньше работал в Перовском уездном казначействе. В банке с 1910 г. Заведовал учетом. Знал клиентуру. Полезный работник.⁴¹

М. Ф. Демури. Родился 20.11.1886. Русский. Звание: крестьянин. Женат, двое детей. Образование: низшее. Православный. Рекомендация: Н. П. Зоркин (бывший бухгалтер Кокандского отделения). Прежнее занятие: был конторщиком в Кокандском отделении Русско-Китайского банка. Очень дельный и способный работник, особенно полезный делу благодаря своему знанию (устно и письменно — сартовский) местного языка.⁴²

Н. Г. Конохов. Родился в 1875 г. Русский. Женат. Сын отставного чиновника. Образование: Учительская семинария. Православный. Знал сартовский (устно). Прежнее занятие: в Ташкентской городской управе. С 1902 г. работал в банке в Ташкенте конторщиком.⁴³

И. Г. Крылов. Родился в 1883 г. Русский, женат, православный. Отставной губернский секретарь. Окончил учительскую семинарию. Знал сартовский и таджикский (устно и письменно). Прежнее занятие: народный учитель с 1903 по 1910 гг. Средний работник. Работал в Ташкентском отделении переводчиком и на приеме учета векселей. Хотел оставить банк и стать инспектором мелкого кредита.⁴⁴

И. Л. Крупинский. Родился в 1891 г. Русский. Женат. Сын личного почетного гражданина. Окончил 4 класса реального училища. Православный. Рекомендация: старший чиновник особых поручений Туркестанского генерал-губернатора А. И. Радзевский. Знал сартовский (устно). Прежнее занятие: книготорговое о-во «Культура», конторщик. Средний работник. Работал в банке с 1912 г.⁴⁵

Служащий Наманганского отделения Московского Учетного банка Д. Н. Пчелкин (родился в 1888 г., звание: коллежский регистратор). Окончил курс Ташкентской учительской семинарии, владел персидским и сартовским языком.⁴⁶

Заключение

Подытоживая, можно сказать, что первое поколение русских в Туркестане воспринимало местную культуру как часть исламского мира и пыталось синтезировать ее с русской культурой. Культурная адаптация русских пионеров в Туркестане проходила сложно, порой болезненно. Даже в 1916 г. Н. П. Остроумов пессимистически оценивал «имперскую» культурную адаптацию, отмечая, что «мы, русские, по прошествии 50 лет со дня завоевания Ташкента, не можем сказать, что мы знаем Край и умеем управлять им в интересах России».⁴⁷ Предположу, что первое поколение туркестанцев мечтало о слиянии Востока с русской государственностью. Первое поколение туркестанцев состояло из очень узкой группы прогрессивных туркестанских деятелей, чья активность была скорее

³⁶ См.: Там же. Л. 267–270.

³⁷ См.: Там же. Л. 296, 304.

³⁸ См.: Там же. Л. 328, 329, 333.

³⁹ См.: Там же. Л. 341–343об.

⁴⁰ См.: РГИА. Ф. 595. Оп. 2. Д. 452. Л. 270–270об.

⁴¹ См.: Там же. Л. 299–301об.

⁴² См.: Там же. Д. 453. Л. 72–72об.

⁴³ См.: Там же. Л. 111–111об.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 112, 115, 116, 117.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 119–120об.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 193, 197.

⁴⁷ См.: РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 278. Л. 65–72, 74–86, 86–91об.

исключением, чем правилом. Второе же поколение по-другому воспринимало действительность: учило языки, имело непосредственный опыт общения с местной культурой, контактировало с местными предпринимателями, — и мессианские мечты у них почти не прослеживаются. Родившиеся в Туркестане русские быстрее учили языки, приспосабливались к местной культуре, получали образование в Ташкенте и

Коканде, работали в местных государственных и финансовых структурах. Однако среди второго поколения туркестанцев было мало таких выдающихся деятелей, как В. П. Наливкин или Н. П. Остроумов, — мыслящих ориенталистски и глобально. В отличие от первого поколения, второе чувствовало себя в Средней Азии более комфортно и довольно успешно устроило свою жизнь, учитывая местные условия.

Bakhtiyor A. Alimdzhanov

Candidate of Historical Sciences, Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Uzbekistan, Tashkent)

E-mail: *balimdjanov@gmail.com*

RUSSIANS IN TURKESTAN: ADAPTING TO THE LOCAL CULTURE
OR SERVING IN THE NAME OF EMPIRE BUILDING?

The article considers the cultural adaptation of two generations of the Russian population in Turkestan. The biographies of the “first Turkestanians” — the diplomat (N. Petrovsky), military man and scientist (V. P. Nalivkin), missionary (N. P. Ostroumov), military man and administrator (N. S. Lykoshin) — are presented as examples of cultural adaptation to local realities. The biographies of these people catch a pattern: they were born in European Russia, came to Turkestan when they were young to make a career, taught and knew local languages and culture well. The main motivation for their actions can be describe as desire to serve faithfully and honestly to the interests of the Russian Empire in the East. Conditionally, we call them the first generation of Turkestan Russians who worked for the benefit and strengthening of the empire. The author also drew upon personal cards of bank employees of the “second generation of Turkestanians” who were actively involved in the socio-economic life of Russian Turkestan. The author believes that the views of the first generation of Russians on local culture were orientalist and Messianic. The first generation of “Turkestanians” dreamed of merging cultures and integrating the local economy into the general imperial one. The second generation of Russians, who were born in Turkestan, radically differed from the first generation, and was less orientalist, and they had almost no elements of exclusivity and Messianism. Russians born in Turkestan learned languages faster, adapted to the local culture, received education in Tashkent and Kokand, worked in local government and financial structures. When writing the article, the author used unpublished archival materials of the Russian Federation and Uzbekistan, memoirs, as well as personal correspondence of diplomats and military personnel.

Keywords: *Russian Turkestan, adaptation, Russians, empire, Central Asia, culture, Turkestanians*

REFERENCES

- Abashin S. N. [V. P. Nalivkin: “...There Will Be What Inevitably Must Be; and What Must Inevitably Be Can No Longer Be...” The Crisis of Orientalism in the Russian Empire?]. *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii* [Asian Russia: People and Structures of the Empire]. Omsk: Izd-vo Omskogo gos. un-ta Publ., 2005, pp. 43–97. (in Russ.).
- Abdurasulov U. [Ostroumov and the Ideology of Colonization]. *Vostok Svyshe* [East Above], 2013, iss. 32, no. 4, pp. 66–68. (in Russ.).
- Alimdjanov B. A. [Orientalisms May Differ]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1488–1497. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2019.420 (in Russ.).
- Alimdzhanov B. A., Choriev Sh. Kh. [Employees of the Volga-Kama Commercial Bank Branches in Central Asia: Biographies and Activities at the Turn of the 20th Century in the Context of Imperial Periphery]. *Vestnik arkhivista* [Herald of an Archivist], 2021, no. 2, pp. 450–468. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-2-450-468 (in Russ.).
- Babadzhanov B. M. [Nikolai Ostroumov: A “Missionary”, “Islamic Scholar”, “Civilizer”?]. *Vostok Svyshe* [East Above], 2013, iss. 32, no. 4, pp. 29–51. (in Russ.).
- Babadzhanov B. M. [Afterword to the Discussion]. *Vostok Svyshe* [East Above], 2013, iss. 32, no. 4, pp. 75–80. (in Russ.).

- Baskhanov M. K. *Istoriya izucheniya vostochnykh yazykov v russkoy imperatorskoy armii* [History of Studying Oriental Languages in the Russian Imperial Army]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2018. (in Russ.).
- Brezhneva S. N. [Reflection of Acculturation Idea in the Resettlement Policy of the Russian Empire in Turkestan at the Turn of the 20th Century]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 608–638. (in Russ.).
- Brusina O. I. *Slavyane v Sredney Azii. Etnicheskiye i sotsial'nyye protsessy. Konets XIX — konets XX veka* [Slavs in Central Asia. Ethnic and Social Processes. The End of the 19th — the End of the 20th Century]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2001. (in Russ.).
- Dzhumayev A. [More about Ostroumov's "Missionary Work"]. *Vostok Svyshe* [East Above], 2013, iss. 32, no. 4, pp. 55–66. (in Russ.).
- Flygin Yu. S. [Nikolai Ostroumov: "I Consider Myself Not a Useless Person for People of Other Faiths... and By No Means Their Enemy"]. *Vostok Svyshe* [East Above], 2013, iss. 32, no. 4, pp. 68–75. (in Russ.).
- Khalid A. [Russian History and the Debate over Orientalism]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 310–323. (in Russ.).
- Khan V. S. [Déjà vu and Meeting with the "Stranger"]. *II Vostokovedcheskiye chteniya pamyati N. P. Ostroumova* [2nd Orientalist Readings in Memory of N. P. Ostroumov]. Tashkent: Tashkentskaya i Sredneaziatskaya mitropoliya Moskovskogo Patriarkhata Russkoy pravoslavnoy Tserkvi Publ., 2010, pp. 108–113. (in Russ.).
- Knight N. [On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 324–344. (in Russ.).
- Kotyukova T. V. [Antipode of the Man in the Case. Memories of V. P. Nalivkin]. *Vostochnyy arkhiv* [Eastern Archive], 2010, no. 1 (21), pp. 76–89. (in Russ.).
- Litvinenko P. V. [Strange Neophytes of Islam: The Transition of Christians to Islam in Russian Turkestan]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2022, no. 3 (32), pp. 36–51. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-32-3-36-51 (in Russ.).
- Litvinov P. P. [From Christ to Mohammed: Religious Renegadeism in Central Asia (Late 19th — Early 20th Centuries) (Based on Archival Materials)]. *Sobor (al'manakh po religiovedeniyu)* [Cathedral (Almanac on Religious Studies)]. Elets: EGPI Publ., 1999, vol. 1, pp. 131–151. (in Russ.).
- Morrison A. [Sufism, Pan-Islamism and Information Panic: Nil Sergeevich Lykoshin and the Aftermath of the Andijan Uprising]. *Tartaria Magna*, 2013, no. 2, pp. 42–87. (in Russ.).
- Pugovkina O. G. [Nil Sergeevich Lykoshin: From Samarkand Military Governor to Soviet Professor]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'* [Oriens], 2018, no. 6, pp. 124–141. DOI: 10.31857/S086919080002872-6 (in Russ.).
- Sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye polozheniye Uzbekistana nakanune Oktyabrya* [The Socio-Economic and Political Situation of Uzbekistan on the Eve of October]. Tashkent: Fan Publ., 1973. (in Russ.).
- Todorova M. [Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid]. *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii. Raboty poslednikh let* [Russian Empire in Foreign Historiography. Works of Recent Years]. Moscow: Novoye izdatel'stvo Publ., 2005, pp. 345–360. (in Russ.).
- Tsyryapkina Y. ["Fighting for the Russian Cause": The Imperial Colonisation of Turkestan]. *Quaestio Rossica*, 2022, vol. 10, no. 5, pp. 1625–1641. DOI: 10.15826/qr.2022.5.751 (in Russ.).
- Vasiliev D. V. *Bremya imperii. Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noy Azii. Vtoraya polovina XIX v.* [Burden of the Empire. Administrative Policy of Russia in Central Asia. Second Half of the 19th Century]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2018. (in Russ.).
- Vosstaniya 1916 g. v Aziatskoy Rossii: neizvestnoye ob izvestnom (k 100-letiyu Vysochayshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.)* [The 1916 Uprisings in Asian Russia: The Unknown about the Known (To the 100th Anniversary of the Highest Command on June 25, 1916)]. Moscow: Russkiy impul's Publ., 2017. (in Russ.).

Для цитирования: Алимджанов Б. А. Русские в Туркестане: адаптация к местной культуре или служба во имя строительства империи? // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 113–120. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-113-120.

For citation: Alimdzhanov B. A. Russians in Turkestan: Adapting to the Local Culture or Serving in the Name of Empire Building? // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 113–120. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-113-120.